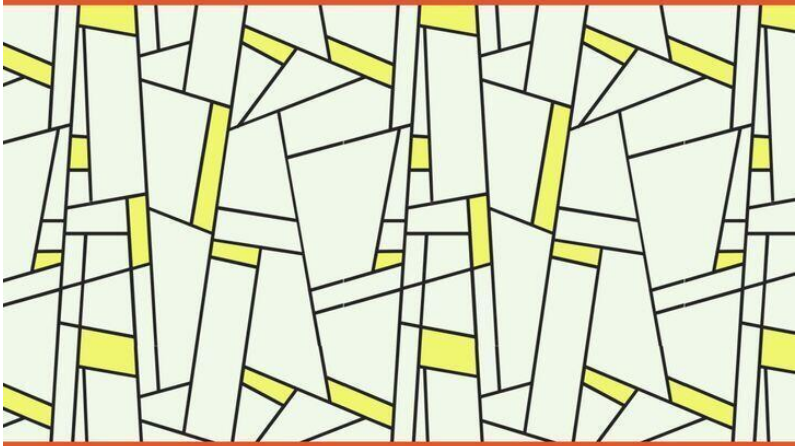
18+

Дмитрий Иванов

СИСТЕМА НЕ ПРОЩАЕТ

Дмитрий Иванов
Система не прощает

https://litres.ru/74834544
ISBN 9785007161596

Аннотация

Он знал банковскую систему изнутри — и использовал это как оружие. Бывший менеджер Алексей Воронов мстит за смерть жены и дочери, погибших по вине банка. Серия дерзких ограблений, каждое из которых оформлено по всем правилам, ставит в тупик следствие. Следователь Марина Соколова единственная видит систему в этих преступлениях. Но чем ближе она к разгадке, тем яснее понимает: Воронов — не просто преступник. Он — хирург, вырезающий опухоль. И его главная цель — не деньги, а правда.

Система не прощает

Дмитрий Иванов

© Дмитрий Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-6159-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Клиент всегда прав»

Москва, 14 октября, 09:47

Алексей Воронов вошёл в отделение «Первого Национального Банка» на Тверской ровно за тринадцать минут до открытия. Он знал это расписание наизусть — как знал планировку каждого из двадцати трёх отделений, в которых когда-либо работал или бывал. Стеклянные двери, рамка металлодетектора, за которой скучал охранник с лицом человека, ненавидящего свою работу, стойка ресепшн с двумя девушками в одинаковых синих шарфах, и — глубже, за турникетом — святая святых: кабинеты менеджеров, сейфовые ячейки, хранилище.

Он остановился у входа, поправил воротник пальто. Серое, хорошее пальто — недорогое, но безупречно сидящее. Так одеваются люди, у которых есть деньги, но нет желания это демонстрировать. Так одеваются те, кому доверяют

с первого взгляда. Он знал это правило лучше многих: доверие покупается не золотом, а отсутствием нужды в нём.

На улице моросил дождь. Москва готовилась к зиме — медленно, неохотно, как человек, которому лень вставать с дивана. Воронов посмотрел на часы. Механические, старые, с потёртым ремешком. Подарок жены. Единственная вещь, которую он не продал.

Тринадцать минут. Ровно столько, сколько нужно, чтобы всё прошло идеально.

Он толкнул дверь.

— Доброе утро, — сказал охранник, не поднимая глаз от телефона.

— Доброе, — ответил Воронов и улыбнулся той особой улыбкой, которую оттачивал годами. Улыбкой человека, который никуда не спешит и ни от кого ничего не хочет. Улыбкой клиента, а не просителя.

Металлодетектор молчал. В карманах у Воронова не было ничего, кроме телефона, бумажника и папки — тонкой, кожаной, с логотипом юридической фирмы, которой не существовало. Папку он купил вчера в магазине канцтоваров на Арбате за две тысячи четыреста рублей. Логотип наклеил сам — распечатал на цветном принтере у знакомого в копицентре.

Мелочи. Всё решают мелочи.

У стойки ресепшн сидела девушка лет двадцати пяти с бейджем «Ольга». Воронов знал, что она работает здесь во-

семь месяцев, что у неё высшее экономическое, что она мечтает перевестись в отдел кредитования и что её начальница, Ирина Петровна, уходит в отпуск в пятницу. Он знал это не потому, что следил за ней — просто читал. Люди рассказывают о себе всё, если уметь слушать. А слушать Воронов умел.

— Доброе утро, — сказал он, останавливаясь у стойки. — Мне назначено на десять. Воронов. По вопросу сейфовой ячейки.

Ольга подняла глаза. Провела пальцем по экрану.

— Одну секунду… Воронов Алексей Сергеевич?

— Верно.

— У нас нет записи на сегодня, — она нахмурилась. — Странно. Обычно…

— Должно быть, Ирина Петровна не внесла, — мягко сказал Воронов. — Она ведь уходит в отпуск? Вот, наверное, и закрутилась. Ничего страшного. Я подожду, если нужно.

Ольга посмотрела на него с благодарностью. Он только что снял с неё ответственность — не обвинил, не потребовал, а понял. Люди запоминают тех, кто их понимает.

— Сейчас уточню, — сказала она и потянулась к телефону.

— Не стоит беспокоить Ирину Петровну, — Воронов понизил голос до доверительного. — Она ведь завтра уезжает, да? Пусть занимается сборами. Может быть, вы сами посмотрите? У меня есть все документы.

Он положил папку на стойку. Открыл. Внутри — аккуратно, по порядку — паспорт, доверенность, договор аренды ячейки, квитанции об оплате. Всё настоящее. Кроме доверенности. Доверенность он изготовил сам — на принтере, с печатью нотариуса, которую вырезал из старого документа. Качество было таким, что даже экспертиза не сразу бы разобралась. Впрочем, экспертизу никто проводить не собирался.

— О, — Ольга пролистала документы. — А доверенность на кого?

— На меня. От моего отца. Он в больнице, к сожалению. Не может приехать лично. — Воронов вздохнул, и в этом вздохе было столько усталой сыновней грусти, что Ольга невольно посочувствовала. — Хочу перевезти кое-что из ячейки. Семейные ценности. Пока он… ну, вы понимаете.

— Конечно, — сказала Ольга. — Сейчас посмотрю в системе. Ячейка номер…

— Сорок семь, — подсказал Воронов.

Он знал номер. Ячейка номер сорок семь в отделении на Тверской принадлежала некоему гражданину Смирнову, который год назад положил туда три миллиона рублей наличными и с тех пор не появлялся. Смирнов был бизнесменом, у которого были проблемы с законом. Воронов знал об этом из внутренней базы банка — той самой, к которой имел доступ, пока работал. База давно сменила пароли, но Воронов не собирался в неё залезать. Ему хватило информации, ко-

торую он унёс с собой в голове.

Память — вот лучший сейф. Его не взломать, не заблокировать, не отобрать.

— Да, есть, — Ольга кивнула. — Смирнов Андрей Викторович. Доверенность… всё в порядке. Но обычно мы просим подтверждение от владельца…

— Мой отец не в состоянии подтвердить, — Воронов снова вздохнул. — Он в реанимации. Я могу показать справку, если нужно.

— Нет-нет, не нужно, — поспешно сказала Ольга. — Я сейчас вызову менеджера. Он вас проводит.

Воронов кивнул и отошёл к креслам у окна. Сел. Положил папку на колени. Посмотрел на улицу, где дождь усилился, и люди бежали, пряча головы под капюшонами.

Он ждал.

Через семь минут появился менеджер — молодой человек лет тридцати, в костюме, который был ему великоват, с бейджем «Дмитрий». Воронов знал и его: Дмитрий Ковалёв, стажёр, переведён из другого отделения месяц назад, ещё не освоился, боится ошибиться. Идеальный кандидат.

— Алексей Сергеевич? — Дмитрий протянул руку. — Здравствуйте. Пройдёмте.

Они прошли через турникет. Воронов шёл чуть позади, ровным шагом, не оглядываясь. Внутри всё было знакомо до боли: серый ковролин, запах кофе из автомата, гул принтеров. Он работал в таком же отделении четыре года. Тогда он

был Дмитрием — молодым, старательным, верящим в систему. Тогда он ещё не знал, что система верит только в себя.

— У вас, наверное, много работы, — сказал Воронов, когда они свернули в коридор к сейфовым ячейкам. — Столько клиентов.

— Да, — Дмитрий улыбнулся. — В основном кредиты. Люди берут, берут… — он осекся, поняв, что говорит лишнее.

— Понимаю, — Воронов сочувственно кивнул. — Сам через это проходил. Не в смысле кредитов, — он усмехнулся. — В смысле работы. Я тоже когда-то работал в банке.

— Правда? — Дмитрий оживился. — В каком?

— В «Первом Национальном». Пять лет назад. Менеджером по работе с VIP-клиентами.

— Ого. И как?

— Хорошо, — сказал Воронов. — Пока не понял, что работаю не на клиентов, а на систему. Знаете, есть такая поговорка: «Клиент всегда прав». Только в банке её дополняют: «Но клиент всегда должен».

Дмитрий засмеялся. Не потому, что было смешно, а потому, что не знал, как реагировать.

Они остановились у двери с табличкой «Сейфовые ячейки». Дмитрий приложил карту, набрал код. Замок щёлкнул.

— Ячейка сорок семь, — сказал он, пропуская Воронова внутрь. — Распишитесь вот здесь, в журнале.

Воронов расписался. Размашисто, уверенно, как человек,

которому нечего скрывать.

Внутри было прохладно. Ряды металлических ящиков, тусклый свет, тишина. Дмитрий открыл ячейку сорок семь, отступил на шаг.

— Я подожду снаружи, — сказал он. — Если что-то нужно, позвоните.

— Спасибо, — Воронов улыбнулся. — Я быстро.

Дверь закрылась.

Воронов остался один.

Он посмотрел на ячейку. Внутри лежали деньги — пачки в банковских упаковках, перетянутые резинками. Три миллиона, если верить базе. Он знал, что больше — Смирнов был осторожным, но жадным, а жадные всегда кладут больше, чем говорят.

Он достал из папки пустой конверт — большой, плотный, с логотипом юридической фирмы, которой не существовало. Аккуратно переложил деньги. Пачка за пачкой. Не спеша. У него было время.

Потом закрыл ячейку. Проверил, что замок щёлкнул. Поправил пальто.

И только тогда — когда всё было сделано — позволил себе выдохнуть.

Дмитрий ждал снаружи, листая телефон.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Всё отлично, — сказал Воронов. — Спасибо вам. Вы

очень помогли.

Он протянул руку. Дмитрий пожал её — крепко, по-мужски, как учили на тренингах по клиентоориентированности.

— Если что-то ещё понадобится… — начал Дмитрий.

— Обязательно, — Воронов улыбнулся. — Всего доброго.

Он прошёл через турникет, кивнул охраннику, толкнул стеклянную дверь. Дождь всё ещё моросил. Москва всё ещё готовилась к зиме.

Воронов шёл по Тверской, не оглядываясь. Конверт лежал во внутреннем кармане пальто. Три миллиона — не деньги. Три миллиона — это только начало.

Он знал, что никто не заметит пропажи сегодня. Смирнов не появится ещё полгода, а может, и больше. А когда появится — будет молчать. Люди, которые кладут деньги в ячейки, не любят рассказывать об этом полиции.

Он знал, что Ольга забудет о нём к вечеру. А Дмитрий — к концу недели.

Он знал, что система не заметит потери, потому что система вообще ничего не замечает. Пока не станет слишком поздно.

Он остановился у перехода. Посмотрел на часы — старые, с потёртым ремешком.

10:14.

Всё заняло двадцать семь минут. Он планировал тридцать.

Воронов улыбнулся — впервые за долгое время по-насто-

ящему.

Потом достал телефон, набрал номер.

— Это сделано, — сказал он. — Начинаем следующий.

И пошёл через дорогу, не обращая внимания на красный свет.

Глава 2. «Странный клиент»

Москва, 15 октября, 08:20

Марина Соколова не любила утро. Не потому, что была совой — просто утро всегда начиналось с бумаг. А бумаги она ненавидела больше, чем преступников. Преступники хотя бы были живыми людьми. Бумаги были мёртвыми.

Она сидела в своём кабинете на Петровке, 38 — маленьком, заставленном папками, с окном, выходящим на серую стену соседнего здания. На столе дымился чай, который она забыла выпить. На экране компьютера висела сводка происшествий за сутки: квартирная кража в Хамовниках, угон в Черёмушках, драка в баре на Садовой. Рутина.

Марина пролистала сводку до конца, вздохнула и потянулась за следующей папкой. «Отчёт о происшествиях в кредитно-финансовых учреждениях». Она открыла её без интереса. Обычно там было одно и то же: поддельные купюры, попытки мошенничества с картами, изредка — вооружённое ограбление, которое раскрывалось за три дня, потому что грабители всегда оставляли следы.

Но на этот раз что-то заставило её задержаться.

Отчёт был коротким. Отделение «Первого Национального Банка» на Тверской, 14 октября. Клиент по имени Воронов Алексей Сергеевич получил доступ к сейфовой ячейке №47 по доверенности от некоего Смирнова А. В. Владелец ячейки — бизнесмен, находящийся под следствием по делу о мошенничестве. Сотрудники отделения утверждают, что документы были в порядке, никаких нарушений не выявлено.

Проблема была в одном: Смирнов, по данным следствия, находился в СИЗО с августа. И никакой доверенности никому не выдавал.

Марина перечитала абзац дважды. Потом ещё раз. Потом откинулась на спинку стула и посмотрела в окно на серую стену.

— Интересно, — сказала она вслух.

Следователь Соколова работала в экономическом отделе восемь лет. За это время она повидала много мошенников: мелких жуликов, продававших воздух под видом акций; крупных аферистов, строивших пирамиды; банкиров, выводивших деньги в офшоры. Но это дело сразу показалось ей странным.

Во-первых, ограбление было слишком чистым. Никаких взломов, никаких угроз, никакой стрельбы. Клиент пришёл, предъявил документы, забрал деньги и ушёл. Всё — по правилам.

Во-вторых, никто не заявил о пропаже. Смирнов сидел в

СИЗО и ничего не знал. Банк не заметил потери, потому что ячейка считалась закрытой. Деньги просто исчезли — тихо, аккуратно, без шума.

В-третьих — и это было самое интересное — доверенность была подделана так мастерски, что даже служба безопасности банка не усомнилась. Марина видела копию: печать нотариуса, подпись, все реквизиты. Если бы она не знала, что Смирнов в СИЗО, она бы тоже поверила.

— Кто такой Воронов? — спросила она у своего помощника, лейтенанта Гущина.

Гущин — молодой, старательный, с вечным выражением лица человека, который боится ошибиться, — поднял глаза от монитора.

— Сейчас посмотрю, Марина Андреевна. Воронов Алексей Сергеевич, тридцать пять лет… — он пощёлкал по клавишам. — О. Он работал в «Первом Национальном». Менеджером по работе с VIP-клиентами. Уволен год назад.

Марина подняла бровь.

— Уволен? Почему?

— Сокращение штата, — Гущин пожал плечами. — По крайней мере, так написано в трудовой.

— А на самом деле?

— На самом деле… — Гущин снова уткнулся в экран. — Тут есть отметка. Внутреннее расследование. Но результаты закрыты. Даже для нас.

Марина задумалась. Бывший сотрудник банка, уволен-

ный после внутреннего расследования, подделывает доверенность и забирает деньги из ячейки — так, что никто не замечает. Это было слишком красиво, чтобы быть случайностью.

— Подними мне его дело, — сказала она. — Всё, что есть: адрес, семья, связи.

— Есть, — Гущин кивнул. — Только… — он замялся.

— Что?

— Тут написано, что год назад у него погибла семья. Жена и дочь. Автокатастрофа.

Марина замолчала.

Она нашла Воронова в базе данных ГИБДД. Авария произошла 3 июня прошлого года на Минском шоссе. Автомобиль «Киа Рио», за рулём — Воронова Ирина Андреевна, тридцать два года. Вместе с ней — дочь, Воронова Полина Алексеевна, шесть лет. Обе погибли на месте.

Причина аварии: отказ тормозной системы. Экспертиза не выявила следов вмешательства. Автомобиль был исправен, техосмотр пройден месяцем ранее.

Марина читала отчёт и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она знала, что такое — терять близких. Сама она потеряла отца в двадцать три, и до сих пор иногда просыпалась от звонка, которого не было.

Но что-то в этом деле её настораживало. Слишком гладко. Слишком аккуратно. Отказ тормозов — и никаких следов.

Техосмотр — и месяцем ранее. Как будто кто-то очень старался, чтобы всё выглядело случайностью.

Она отложила отчёт и взяла следующую папку. «Материалы по делу о мошенничестве в отношении Вороновой И. А.»

Марина открыла её и прочитала.

Ирина Воронова взяла кредит в «Первом Национальном Банке» на лечение дочери. Сумма — восемьсот тысяч рублей. Кредит был оформлен с нарушением: страховка, скрытые комиссии, плавающая ставка. Через год долг вырос до двух миллионов. Банк подал в суд. Суд встал на сторону банка.

Ирина подала апелляцию. Апелляция была отклонена.

Через две недели после решения суда она погибла.

Марина закрыла папку. Посмотрела в окно. Серая стена смотрела на неё в ответ.

— Гущин, — сказала она. — Найди мне всё про этот кредит. Кто оформлял, кто подписывал, кто вёл дело в суде.

— А что мы ищем?

— Не знаю, — честно сказала Марина. — Но что-то мне подсказывает, что это не просто ограбление.

Москва, 15 октября, 14:30

Воронов сидел в кафе на Никитском бульваре и пил кофе. За окном шёл дождь, люди бежали с зонтами, машины сигналили в пробке. Он смотрел на них и не видел.

Перед ним лежал блокнот — обычный, в клетку, куплен-

ный в том же канцтоварном магазине, что и папка. В блокноте были записи: имена, даты, суммы. Всё то, что он собирал год.

Вчерашнее ограбление было первым. Не самым крупным, но самым важным — проверкой. Он хотел убедиться, что система работает так, как он помнит. Что люди по-прежнему верят бумагам больше, чем здравому смыслу. Что менеджеры по-прежнему боятся начальства больше, чем преступников.

Всё сработало. Даже лучше, чем он ожидал.

Теперь можно было двигаться дальше.

Он открыл блокнот на странице с планом. Тридцать три пункта. Тридцать три банка. Тридцать три ограбления — по одному на каждый филиал «Первого Национального» в Москве и области. Каждое — со своей схемой, своей легендой, своим способом.

Он готовился к этому год. Изучал регламенты, запоминал имена, составлял графики. Он знал, кто из менеджеров когда уходит в отпуск, кто боится начальства, кто готов нарушить правила ради клиента. Он знал всё.

Потому что когда-то он сам был одним из них.

Воронов сделал глоток кофе. Горький, без сахара — как и его жизнь последний год.

Он вспомнил Ирину. Как она смеялась, когда он рассказывал ей о работе. Как говорила: «Ты же не всерьёз думаешь, что банк тебе поможет? Банк помогает только себе». Он то-

гда смеялся вместе с ней. Он верил в систему.

А потом система убила её.

Он не знал точно, кто виноват. Может быть, Громов — начальник службы безопасности, который подписывал фиктивные кредиты. Может быть, кто-то другой. Но он знал, что виноват банк. И он собирался это доказать.

Не словами. Деньгами.

Каждое ограбление — это удар по системе. Каждый украденный рубль — это компенсация за то, что у него отняли. За Ирину. За Полину. За всё.

Он закрыл блокнот. Убрал в карман.

Потом достал телефон и набрал номер.

— Это я, — сказал он. — Первый этап закончен. Второй — завтра.

На том конце провода молчали.

— Ты уверен, что готов? — спросил голос.

— Я готов уже год, — сказал Воронов. — Вопрос в том, готовы ли они.

Он отключился. Допил кофе. Положил на стол купюру и вышел на улицу, под дождь.

Москва, 15 октября, 18:45

Марина Соколова сидела в архиве и читала. Она читала уже четыре часа, и глаза у неё болели.

Дело о кредите Ирины Вороновой оказалось интересным. Слишком интересным для обычного мошенничества.

Во-первых, кредит был оформлен с нарушением всех возможных инструкций. Страховка была навязана, комиссии скрыты, ставка выросла в три раза за год. Такое бывало, но обычно клиенты жаловались, и банк шёл на уступки. Здесь — не пошёл.

Во-вторых, суд. Марина подняла материалы дела. Судья — некий Ковалёв, известный своими связями с банковскими кругами. Он отклонил апелляцию Ирины без рассмотрения. Формально — за недостаточностью доказательств. Фактически — потому что кто-то заплатил.

В-третьих — и это было самое важное — Марина нашла подпись. На кредитном договоре, в графе «менеджер», стояла подпись: «Громов В. С.»

Виктор Громов. Начальник службы безопасности «Первого Национального». Тот самый, который подписывал фиктивные кредиты.

Марина закрыла папку. Посмотрела на часы. Восемь вечера. Пора домой.

Но она не встала. Она сидела и думала.

Воронов не просто мстил. Он разоблачал. Каждое ограбление — это удар не по банку, а по конкретным людям. По тем, кто подписывал, кто судил, кто молчал.

Она вспомнила его лицо. Фотографию из личного дела: спокойный, серьёзный, с усталыми глазами. Человек, который потерял всё и решил, что терять больше нечего.

Марина знала, что должна его поймать. Это была её рабо-

та. Но она также знала, что если она поймает его слишком быстро, то никогда не узнает правду.

А правда была важнее.

Она достала телефон и набрала номер Гущина.

— Гущин, — сказала она. — Завтра с утра — в «Первый Национальный». Найдём Громова. И зададим ему пару вопросов.

— А что мы ищем?

— Правду, — сказала Марина. — И, возможно, следующий банк, который он ограбит.

Москва, 15 октября, 23:10

Воронов стоял у окна своей съёмной квартиры на Юго-Западной. Смотрел на огни города. Думал.

Завтра — второй банк. Отделение на Профсоюзной. Менеджер — молодая девушка по имени Елена, которая недавно вышла из декрета и боится потерять работу. Идеальная цель.

Он знал, что скажет ей. Знал, как улыбнётся. Знал, какие документы покажет.

Он знал всё.

Но он не знал, что в этот момент следователь Соколова читает его дело. И что завтра она придёт в тот же банк, где он собирается совершить второе ограбление.

Он не знал, что их пути пересекутся.

Но он узнает.

Глава 3. «Как обрабатывают клиента»

Москва, 16 октября, 09:05

Отделение «Первого Национального Банка» на Профсоюзной открывалось в девять. Воронов пришёл в восемь сорок — не для того, чтобы войти первым, а для того, чтобы понаблюдать. Он стоял на противоположной стороне улицы, у ларька с шаурмой, и смотрел, как сотрудники идут на работу: кто-то с кофе, кто-то с сигаретой, кто-то с лицом человека, который уже устал, хотя день только начался.

Он знал их всех по именам. Не потому, что следил, а потому, что читал. Внутренние документы банка, списки сотрудников, графики отпусков — всё это годами оседало в его памяти, как осадок на дне стакана. Он не собирался это запоминать. Просто так получилось.

Елена Кузнецова. Двадцать восемь лет. Менеджер по работе с клиентами. Вышла из декрета три месяца назад. Воспитывает сына одна — муж ушёл, когда ребёнку было полгода. Боится потерять работу. Боится не выполнить план. Боится всего.

Идеальная цель.

Воронов перешёл дорогу. Поправил пальто. Толкнул дверь.

Внутри пахло так же, как вчера: кофе, принтер, немного хлоркой от уборки. Охранник — другой, моложе, с прыща-

ми на щеках — кивнул, не отрываясь от телефона. Воронов кивнул в ответ.

У стойки ресепшн сидела девушка с бейджем «Анна». Воронов знал, что она работает здесь полгода, что она учится на вечернем, что мечтает стать дизайнером. Он не собирался использовать это знание. Просто знал.

— Доброе утро, — сказал он. — Мне к Елене Кузнецовой. По вопросу кредита.

— Ваша фамилия?

— Соколов. — Он улыбнулся. — Андрей Соколов.

Фамилия была вымышленной. Как и паспорт в кармане — настоящий, но выданный на другое имя. Воронов потратил на него три месяца и сто тысяч рублей. Оно того стоило.

Анна набрала что-то на компьютере.

— Елена Викторовна сейчас занята. Подождёте?

— Конечно, — Воронов сел в кресло у окна. — Я не спешу.

Он ждал пятнадцать минут. За это время он успел рассмотреть всё: камеры, расположение столов, даже то, как охранник periodically посматривает на дверь. Он отметил, что камера над стойкой ресепшн смотрит в сторону, а не на вход. Что журнал посещений лежит открытым на столе, и любой может в него заглянуть. Что дверь в кабинет менеджеров не заперта.

Мелочи. Всё решают мелочи.

Наконец появилась Елена. Молодая, уставшая, с папкой в

руках и выражением лица человека, который пытается улыбаться, хотя очень хочет спать.

— Андрей… — она сверилась с бумагами. — Андрей Соколов?

— Да, — Воронов встал. — Здравствуйте.

— Пройдёмте, — она повела его в кабинет. — Извините, что заставила ждать. У нас сегодня проверка, сами понимаете.

— Понимаю, — сказал Воронов. — Я сам работал в банке. Знаю, как это бывает.

Елена посмотрела на него с неожиданным интересом.

— Правда? В каком?

— В «Первом Национальном». Пять лет назад.

— О. — Она улыбнулась. — Значит, вы наш.

— Бывший наш, — Воронов усмехнулся. — Но привычки остались.

Они вошли в кабинет. Маленький, с двумя столами и окном, выходящим на парковку. Воронов сел напротив Елены. Положил папку на стол.

— Итак, — сказала она, открывая компьютер. — Вам нужен кредит?

— Не совсем, — Воронов выдержал паузу. — Мне нужна консультация.

Елена нахмурилась.

— Консультация?

— Да. Видите ли, — Воронов наклонился вперёд, понизив

голос до доверительного, — я представляю интересы одного клиента. Пожилого человека. Он хочет перевести сюда свои сбережения из другого банка. Сумма — около пятнадцати миллионов. Но он боится, что его обманут.

Елена моргнула. Пятнадцать миллионов — это было много. Очень много. Для неё — это был бы годовой план, выполненный за один день.

— Понимаю, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Мы можем предложить ему…

— Подождите, — Воронов поднял руку. — Прежде чем вы начнёте рассказывать мне о ставках и условиях, я хочу сказать одну вещь. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Мой клиент — не дурак. Он знает, как работают банки. Он знает, что вы продаёте не деньги, а уверенность. И он хочет быть уверенным.

Елена замолчала. Воронов видел, как она напряглась.

— Я не совсем понимаю…

— Понимаете, — Воронов улыбнулся. — Просто не хотите признаться. — Он откинулся на спинку стула. — Смотрите. Вы работаете здесь три месяца после декрета. У вас план, который нужно выполнить, иначе вас уволят. Вы боитесь этого. Я прав?

Елена побледнела.

— Откуда вы…

— Я же сказал, — Воронов пожал плечами. — Работал в банке. Знаю, как устроена система. Знаю, что вы не можете

позволить себе отказать клиенту с пятнадцатью миллионами. Даже если что-то в нём кажется странным.

Елена молчала. Воронов видел, как она борется с собой: страх versus жадность. Страх потерять работу versus желание выполнить план.

— Что вы хотите? — спросила она наконец.

— Всего лишь небольшую услугу, — сказал Воронов. — Мой клиент хочет открыть сейфовую ячейку. Но он не может приехать лично — возраст, здоровье. Он хочет, чтобы я сделал это за него. По доверенности.

— Это стандартная процедура, — Елена расслабилась. — Вам нужно…

— Я знаю, что нужно, — перебил Воронов. — Доверенность, паспорт, договор. Всё это у меня есть. — Он открыл папку. — Мне нужно только, чтобы вы подписали заявление. Без лишних вопросов.

Елена посмотрела на документы. Потом на Воронова. Потом снова на документы.

— Я не могу просто…

— Можете, — сказал Воронов мягко. — Вы ведь хотите выполнить план? Пятнадцать миллионов — это не шутка. Ваш начальник будет доволен. А я… — он улыбнулся, — я не доставлю вам проблем.

Елена колебалась. Воронов видел это — видел, как она взвешивает риски. Он знал, что она сделает. Он знал это ещё до того, как она открыла рот.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте документы.

Он вышел из банка через двадцать минут. В папке лежало подписанное заявление, копия договора и ключ от ячейки. В кармане — телефон, на который только что пришло уведомление о переводе. Пятнадцать миллионов. Не из ячейки — из фонда, который он создал год назад. Свой собственный банк. Свои собственные деньги.

Воронов шёл по Профсоюзной и думал о Елене. Она была не плохим человеком. Просто слабым. Как и все они. Как и он сам когда-то.

Он не чувствовал вины. Вина была роскошью, которую он не мог себе позволить.

Москва, 16 октября, 11:30

Марина Соколова приехала в «Первый Национальный» на Тверской в половине двенадцатого. С ней был Гущин — молчаливый, с блокнотом, готовый записывать всё, что скажут.

Их встретил Виктор Громов — высокий, седой, с лицом человека, который привык, что ему не задают вопросов. Он провёл их в свой кабинет — просторный, с кожаными креслами и окном на Тверскую.

— Итак, — сказал он, садясь за стол. — Чем обязан?

— Мы расследуем ограбление, — сказала Марина. — Точнее, серию ограблений. В ваших отделениях.

Громов поднял бровь.

— Ограблений? У нас не было ограблений.

— Было, — Марина положила на стол папку. — Вчера. Отделение на Тверской. Клиент по имени Воронов получил доступ к ячейке Смирнова по поддельной доверенности. Забрал три миллиона.

Громов открыл папку. Пролистал. Его лицо не изменилось.

— Я знаю об этом, — сказал он. — Служба безопасности уже разбирается.

— И что вы выяснили?

— Что документы были в порядке, — Громов закрыл папку. — Это внутреннее дело банка. Мы не обязаны отчитываться перед полицией.

— Речь идёт о трёх миллионах рублей, — сказала Марина. — Это уголовное дело.

— Речь идёт о трёх миллионах рублей, которые принадлежали Смирнову, — Громов посмотрел на неё. — А Смирнов, насколько я знаю, сидит в СИЗО. Так что… — он пожал плечами. — Никто не пострадал.

Марина почувствовала, как внутри закипает злость. Она видела таких, как Громов, много раз. Люди, которые считают, что закон — это для других.

— Вы знали Воронова? — спросила она.

Громов на секунду замер. Едва заметно. Но Марина заметила.

— Знал, — сказал он. — Он работал у нас. Хороший был менеджер. Пока не начал… — он замолчал.

— Пока не начал что?

— Пока не начал задавать вопросы, — Громов улыбнулся. — Знаете, в банке не любят, когда задают вопросы. Особенно те, на которые нет ответов.

Марина посмотрела на него внимательно.

— А какие вопросы он задавал?

— Разные, — Громов встал. — Извините, у меня встреча. Если у вас есть ещё вопросы — обращайтесь в пресс-службу.

Он вышел. Марина осталась сидеть, глядя на закрытую дверь.

— Он врёт, — сказал Гущин.

— Знаю, — Марина встала. — И знаю, что он что-то скрывает. Вопрос — что именно.

Москва, 16 октября, 20:15

Воронов сидел в той же квартире на Юго-Западной и смотрел на блокнот. Второй пункт был вычеркнут. Осталось тридцать один.

Он думал о Громове. О том, как тот подписывал кредиты. О том, как суд отклонял апелляции. О том, как Ирина умирала в машине, которая не должна была сломаться.

Он не знал точно, кто виноват. Но он знал, что Громов — часть системы. И что система должна ответить.

Он взял телефон. Набрал номер.

— Это я, — сказал он. — Второй готов. Начинаем третий.

— Ты уверен, что не слишком быстро? — спросил голос.

— Я уверен, что они не успеют опомниться, — сказал Воронов. — Пока они ищут одного человека, я буду уже в другом месте.

Он отключился. Посмотрел в окно. Город горел огнями.

Завтра — третий банк. Отделение на Ленинском проспекте. Начальник — старый знакомый. Человек, который когда-то был его другом.

Это будет сложнее. Но Воронов знал, что справится.

Он всегда справлялся.

Глава 4. «Старый друг»

Москва, 17 октября, 08:40

Отделение на Ленинском проспекте Воронов знал лучше всех остальных. Здесь он проработал два года — с двадцать восьмого по тридцатый. Здесь у него был свой кабинет, свой стол, свой начальник. Здесь он познакомился с Ириной.

Он стоял у входа и смотрел на знакомые стеклянные двери. Ничего не изменилось: та же вывеска, те же растения в кадках, тот же охранник — правда, постаревший на пять лет. Воронов помнил его имя: Сергей. Помнил, что у него двое детей и что он мечтает уйти на пенсию. Помнил, что Сергей всегда здоровался с ним за руку.

Сегодня он не собирался здороваться.

Он поправил галстук. Сегодня на нём был костюм — тём-

но-синий, дорогой, с иголочки. Так одеваются люди, которые приходят с проверкой. Так одеваются те, кого боятся.

Воронов толкнул дверь.

— Доброе утро, — сказал он охраннику. — Мне нужен Виктор Павлович.

Сергей поднял глаза. На секунду в них мелькнуло узнавание — или Воронову показалось. Потом исчезло.

— Виктор Павлович у себя. А вы…

— Из головного офиса, — Воронов достал удостоверение. Настоящее — но выданное на имя сотрудника Центрального банка. Он потратил на него полгода и двести тысяч рублей. — Плановая проверка.

Сергей посмотрел на удостоверение. Потом на Воронова. Потом снова на удостоверение.

— Сейчас позвоню, — сказал он.

— Не нужно, — Воронов улыбнулся. — Мы хотим застать врасплох. Так проверка будет честнее.

Сергей колебался. Воронов видел это — видел, как он взвешивает. С одной стороны — инструкция. С другой — человек с удостоверением, который говорит уверенно и не суетится.

— Хорошо, — сказал Сергей. — Проходите. Только…

— Никому ни слова, — Воронов подмигнул. — Я вас понял.

Он прошёл через турникет. Внутри всё было знакомо до

боли: серый ковролин, запах кофе, гул принтеров. Он шёл по коридору и вспоминал, как пять лет назад бежал здесь с папкой документов, как здоровался с коллегами, как смеялся в курилке.

Он не скучал по этому. Он скучал по Ирине.

Она работала на втором этаже, в отделе кредитования. Он встретил её случайно — она уронила папку, он помог собрать. Она улыбнулась. Он влюбился.

Теперь её не было. И этот коридор был просто коридором.

Виктор Павлович Смирнов — полный тёзка того Смирнова, чью ячейку Воронов обчистил вчера, — сидел в своём кабинете и пил чай. Он был крупным мужчиной, с красным лицом и редкими волосами, зачёсанными набок. Воронов знал его десять лет: сначала как коллегу, потом как друга, потом как человека, который молчал, когда Воронова увольняли.

— Виктор Павлович, — сказал Воронов, входя. — Доброе утро.

Смирнов поднял глаза. И замер.

— Лёша? — его лицо побледнело. — Господи, Лёша…

— Не Лёша, — Воронов закрыл за собой дверь. — Алексей Сергеевич. Сотрудник Центрального банка. Плановая проверка.

Смирнов смотрел на него, как на привидение.

— Что… что ты здесь делаешь?

— Проверяю, — Воронов сел напротив. — Как вы тут ра-

ботаете. Как оформляете кредиты. Как обманываете клиентов.

— Лёша, послушай…

— Я слушаю, — Воронов откинулся на спинку стула. — Расскажи мне про кредит моей жены. Кто его оформлял? Кто подписывал? Кто решил, что она должна банку два миллиона?

Смирнов молчал. Его руки дрожали.

— Я не знал, — сказал он наконец. — Клянусь, я не знал, что они так поступят.

— Ты знал, — Воронов покачал головой. — Ты всегда знал. Ты просто молчал. Как молчал, когда меня увольняли. Как молчал, когда её судили. Как молчал, когда она умирала.

— Лёша…

— Не называй меня так, — Воронов наклонился вперёд. — Ты меня предал. Ты и все остальные. Вы все знали, что кредит был мошенническим. Вы все знали, что суд куплен. Вы все знали, что она не виновата. И вы молчали.

Смирнов опустил глаза.

— Что ты хочешь? — спросил он тихо.

— Всего лишь небольшую услугу, — Воронов достал папку. — Подпиши заявление. О переводе средств из резервного фонда. На счёт, который я укажу.

— Это же…

— Это то, что ты должен был сделать год назад, — Воронов положил папку на стол. — Но не сделал. Так что теперь

сделаешь.

Смирнов посмотрел на документы. Потом на Воронова. Потом снова на документы.

— Если я подпишу, меня уволят.

— Если не подпишешь, — Воронов улыбнулся, — я расскажу всем, как ты подписывал фиктивные кредиты. Как ты прикрывал Громова. Как ты врал следствию. — Он выдержал паузу. — Я знаю всё, Виктор Павлович. Всё. И у меня есть доказательства.

Смирнов побледнел ещё сильнее.

— Ты блефуешь.

— Проверь.

Тишина. Долгая, тяжёлая. Воронов слышал, как тикают часы на стене — старые, с маятником. Он помнил эти часы. Они висели здесь ещё пять лет назад.

— Хорошо, — сказал Смирнов. — Давай сюда.

Он подписал. Руки дрожали, но подпись вышла ровной. Воронов забрал папку.

— Спасибо, — сказал он. — Ты только что спас себя от тюрьмы.

Он встал. Пошёл к двери. Остановился.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал он, не оборачиваясь. — Я не собирался тебя шантажировать. Я собирался просто попросить. Как друг. Но ты даже не спросил, как я живу. Как я пережил этот год. Ты просто испугался.

Он вышел.

Москва, 17 октября, 12:20

Марина Соколова сидела в машине у отделения на Ленинском и смотрела на вход. Она приехала сюда по наводке — Гущин выяснил, что Воронов работал здесь два года и что здесь до сих пор работает его бывший начальник.

Она собиралась поговорить со Смирновым. Но когда она вошла, то увидела бледного мужчину, который сидел в кабинете и смотрел в одну точку.

— Виктор Павлович? — сказала она. — Я следователь Соколова. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Смирнов поднял на неё глаза. И вдруг заплакал.

— Он был здесь, — сказал он. — Только что. Воронов. Он был здесь.

Марина почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что он хотел?

— Заявление, — Смирнов вытер слёзы. — Он заставил меня подписать заявление о переводе средств. Из резервного фонда. На какой-то счёт.

— Вы подписали?

— Он угрожал, — Смирнов всхлипнул. — Сказал, что расскажет всё. Про кредиты. Про Громова. Про всё.

Марина села напротив.

— Расскажите мне, — сказала она. — Всё. С самого начала.

И Смирнов рассказал. Про фиктивные кредиты. Про то,

как Громов заставлял менеджеров подписывать документы. Про то, как банк выставлял клиентам долги, которых не было. Про Ирину Воронову — как её кредит был оформлен с нарушениями, как её суд был куплен, как её смерть была… случайностью.

— Вы уверены, что случайностью? — спросила Марина.

Смирнов замолчал. Потом посмотрел на неё.

— Я не знаю, — сказал он. — Но я знаю, что в тот день она звонила в банк. Говорила с Громовым. Кричала. А через час её машина вылетела в кювет.

Марина почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Почему вы молчали?

— Потому что боялся, — Смирнов опустил глаза. — Все боялись. Громов — страшный человек. Он может всё.

Марина встала.

— Спасибо, — сказала она. — Вы очень помогли.

Она вышла из кабинета. На улице шёл дождь. Она достала телефон.

— Гущин, — сказала она. — Поднимай архив по делу Вороновой. Всё, что есть. И найди мне Громова. Мне нужно с ним поговорить.

— А что случилось?

— Случилось то, что у нас появился мотив, — Марина посмотрела на мокрую улицу. — И, возможно, ещё одно убийство.

Москва, 17 октября, 21:00

Воронов сидел в квартире и смотрел на блокнот. Третий пункт был вычеркнут. Осталось тридцать.

Он не чувствовал радости. Только усталость. И что-то ещё — что-то, что он не мог назвать. Может быть, сожаление.

Смирнов был его другом. Когда-то. Они вместе пили пиво, вместе смеялись над начальством, вместе мечтали о лучшей жизни. А потом Смирнов предал его. Как и все остальные.

Воронов не жалел о том, что сделал. Он жалел только о том, что это было так легко. Что люди так быстро ломаются. Что система делает их трусами.

Он взял телефон. Набрал номер.

— Это я, — сказал он. — Третий готов. Но у нас проблема.

— Какая?

— Следователь. Соколова. Она уже знает про меня. И она копает глубже, чем я думал.

— Что будем делать?

Воронов помолчал. Потом сказал:

— Ускоряемся. Вместо тридцати банков — десять. Но самые важные. Те, где хранятся документы Громова. Те, где можно достать доказательства.

— А следователь?

— С ней я разберусь сам, — сказал Воронов. — Она не враг. Она просто… на другой стороне.

Он отключился. Посмотрел в окно. Город горел огнями.

Завтра — четвёртый банк. И, возможно, встреча, которой он не хотел.

Глава 5. «Следователь и мошенник»

Москва, 18 октября, 07:30

Марина Соколова не спала всю ночь. Она сидела в кабинете, пила третью чашку чая и смотрела на доску, которую сама же повесила на стену. На доске были фотографии, схемы, вырезки. В центре — Воронов. Слева — Ирина и Полина. Справа — Громов. Внизу — банки, которые он уже ограбил.

Три банка за четыре дня. Три миллиона, пятнадцать миллионов, ещё сколько-то. Но дело было не в деньгах. Марина это понимала. Дело было в системе. Воронов не просто крал — он вскрывал. Каждое ограбление было актом хирургии: он вырезал опухоль, оставляя здоровую ткань нетронутой.

Она посмотрела на его фотографию. Спокойное лицо. Усталые глаза. Человек, который потерял всё и решил, что терять больше нечего.

— Где ты, Воронов? — сказала она вслух.

Ответа не было.

Москва, 18 октября, 09:15

Воронов был в двух кварталах от неё. Он стоял у отделения на Сокольниках — четвёртого банка в его списке — и наблюдал, как сотрудники идут на работу. Сегодня он не со-

бирался входить. Сегодня он собирался смотреть.

Потому что сегодня всё было иначе.

Он знал, что Соколова уже в деле. Знал, что она поговорила со Смирновым — тот позвонил ему ночью, плакал в трубку, просил прощения. Воронов не ответил. Он просто слушал, как человек, которого он когда-то считал другом, ломается на другом конце провода.

Это было неприятно. Но необходимо.

Он достал телефон. Набрал номер.

— Это я, — сказал он. — Проверь Соколову. Всё, что есть. Мне нужно знать, с кем я имею дело.

— Уже проверил, — ответил голос. — Марина Андреевна Соколова, тридцать два года. Старший следователь по особо важным делам. Восемь лет в экономическом отделе. Одинокая. Отец умер пять лет назад — сердечный приступ. Мать живёт в Твери. Ни мужа, ни детей. Работает как одержимая. Никогда не берёт взяток. Никогда не отступает.

Воронов усмехнулся.

— Идеальный следователь.

— Именно. Она не остановится, пока не найдёт тебя.

— Знаю, — Воронов посмотрел на банк. — Поэтому мы и ускоряемся.

Он отключился. Посмотрел на часы. Механические, старые, с потёртым ремешком. Подарок Ирины. Единственная вещь, которую он не продал.

Он вспомнил, как она подарила ему эти часы. На его трид-

цатилетие. «Чтобы ты всегда знал, сколько времени осталось до конца рабочего дня», — сказала она и засмеялась. Он тогда тоже засмеялся.

Теперь он смотрел на них и думал о том, что время — единственное, что нельзя вернуть.

Москва, 18 октября, 11:40

Марина приехала в «Первый Национальный» на Тверской в половине двенадцатого. На этот раз её встретил не Громов, а его заместитель — молодой человек с нервным лицом.

— Виктор Сергеевич занят, — сказал он. — Но он передал, что готов встретиться завтра.

— Завтра меня не устраивает, — сказала Марина. — Я подожду.

Она села в кресло в приёмной. Достала телефон. Гущин прислал сообщение: «Нашёл кое-что. В деле Вороновой есть странность. Экспертиза тормозов была проведена дважды. Первый раз — через день после аварии. Второй — через месяц. Результаты разные».

Марина нахмурилась. Набрала ответ: «Какие разные?»

«Первый: следы вмешательства. Второй: следов нет. Второй экспертизу проводил эксперт по фамилии Ковалёв. Тот же, что судья по делу Ирины. Совпадение?»

Марина почувствовала, как внутри всё сжалось. Не совпадение. Никогда не совпадение.

Она подняла глаза. В приёмную вышел Громов. Высокий,

седой, с лицом человека, который привык, что ему не задают вопросов.

— Марина Андреевна, — сказал он. — Прошу.

Они вошли в кабинет. Громов сел за стол. Марина — напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.